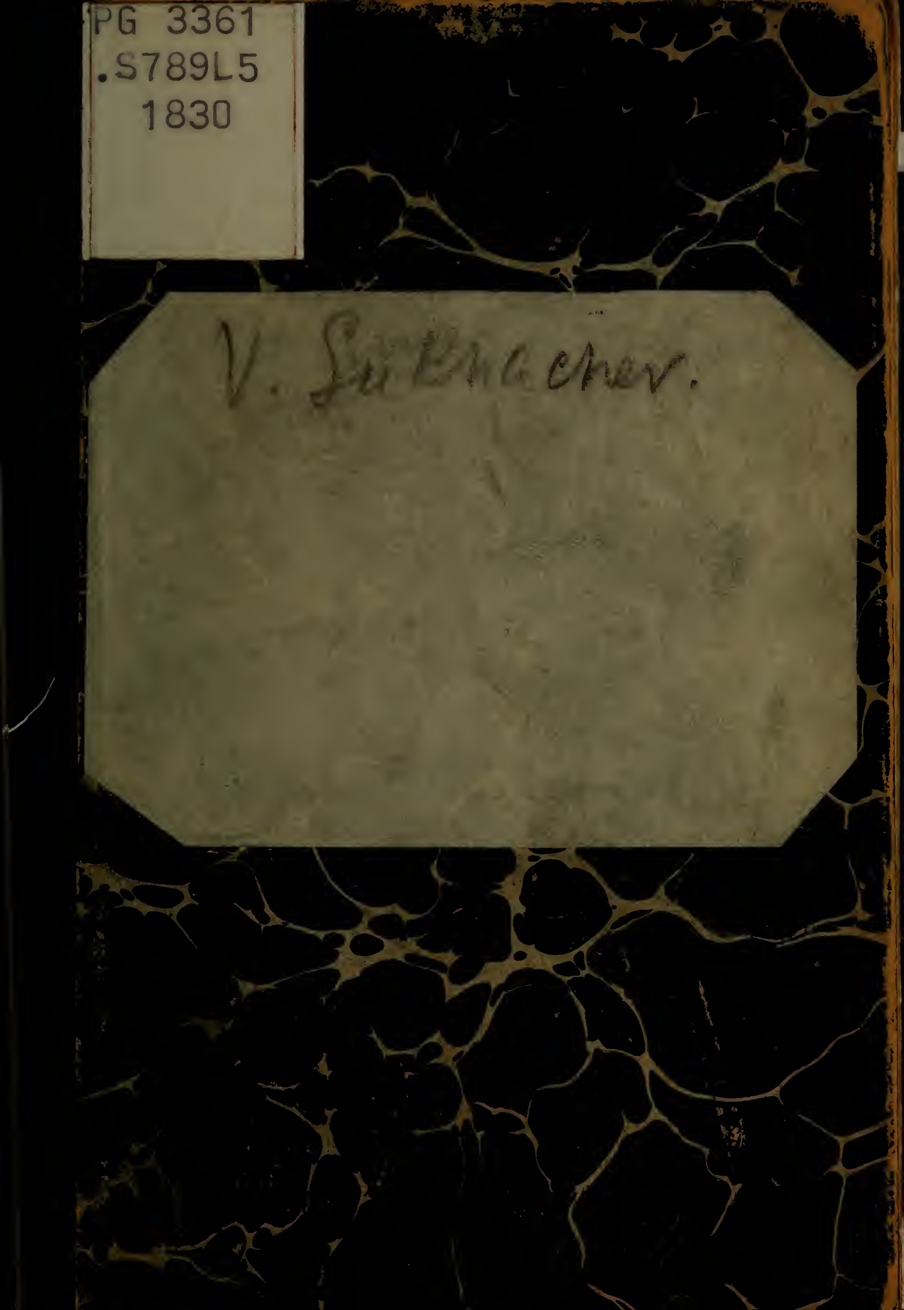
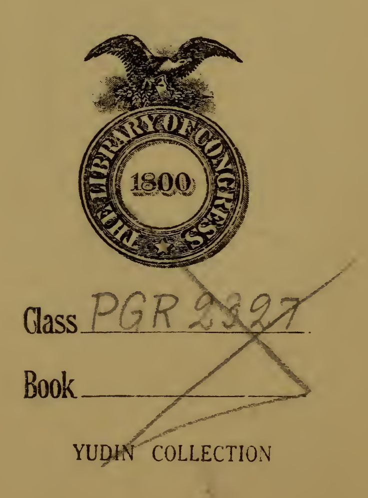

V. Sukhachev.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЛИСТКИ

ИЗЪ

ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Василія Сухачева.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Февраля 4 дня 1830 года.

Цензоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

КАНТЪ (*)

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

О Царь, о Ангелъ вѣнценосный!
Когда на тронъ Ты свой вступилъ,
То духъ великій Твой, всемощный,
Народы чужды удивилъ;
Россія-жь превратяся въ рай,
Къ Тебѣ гласитъ: Монархъ! взирай:
Я щастлива Тобою!
Ура! ура! ура!

(*) Сей кантъ предъ вензелемъ Государя Николая Павловича, на Таганрогскомъ театрѣ, былъ публично пѣтъ извѣстнымъ пѣвцемъ Г-мъ Мачихинымъ съ акомпаниманомъ музыки и хоромъ пѣвчихъ.

Священныхъ устъ Твоихъ вѣщанья
Благъ рѣки подданнымъ лія,
Всѣ роды ихъ, всѣ состоянья
Щастливя, милуя, щедря,
Они достигнули и къ намъ,
Жизнь нову нашимъ дать странамъ (*).
Мы щастливы Тобою!
Ура! ура! ура!

Живи, Монархъ! любимый Богомъ,
Имъ Ты прославленъ и хранимъ,
И обожаемый народомъ
Въ полсвѣтѣ подданнымъ Твоимъ,
Живи Ты, царствуя сто лѣтъ!
Съ Тобой благъ вѣчность намъ растетъ.
Мы щастливы Тобою!
Ура! ура! ура!

(*) Эти два стиха относятся собственно къ Таганрогу: въ Бозѣ почивающій незабвенный Александръ I-й даровалъ гражданамъ льготу на 15 лѣтъ, а Его Величество, нынѣ благополучно царствующій Императоръ, соизволилъ прибавить еще 10 лѣтъ.

СѢТОВАНІЕ.

Съ эѳира чистаго сіяла
Мнѣ въ юности моя звѣзда!
Она-то юность увѣряла:
Съ тобой не встрѣтится бѣда.
Въ то время, полный упованья,
Я думалъ въ жизни ликовать,
И безъ презрѣннаго стяжанья
Вѣкъ буду щастіе вкушать.
Тогда, мечтами обольщенный,
Любилъ родныхъ, любилъ друзей;
Во всемъ безпечный, откровенный,
Я былъ дитя между людей,
И мнилъ, что буду наслаждаться
Между людьми какъ ихъ родной;
И мнилъ любовью упиваться
Изъ устъ подруги молодой,

И съ нею, въ мирномъ лонѣ щастья,
Минуты жизни провождать,
И въ наши чувства, сладострастья,
Небесъ блаженство получать.
Но всё прошло: моимъ очамъ,
Моимъ разрушеннымъ мечтамъ
Совсѣмъ иное повстрѣчалось,
И сердце бѣдное спозналось
Съ угрюмой опытностью той,
Что всѣхъ знакомитъ здѣсь съ тоской.
Открылись иныя дороги
Разочарованнымъ глазамъ,
И жизни бурныя тревоги
Насильно повлекли къ бѣдамъ.
Напрасно съ мудростью степенной
Хотѣлъ я имъ противустать;
Напрасно я въ душѣ смиренной
Ихъ мнилъ слезами отогнать;
Напрасно въ каменныхъ людяхъ
Искалъ защиты и спасенья:
Сердца ихъ сталь, а грудь въ броняхъ!
Не имъ внимать мои моленья!
Но гдѣ-жъ искать защиты мнѣ
Въ неумолимой сторонѣ?

Презрѣнны просьба и мольба!
Враги мнѣ люди и судьба.
Когда-жь я буду жить въ покоѣ?
О Провидѣніе Святое!
Я вѣрю, существуешь ты,
И это только въ состояньи
Возобновить мои мечты,
И грудь спокоить въ упованьи.

КЪ АНЮТѢ.

Мой другъ ! въ твоихъ очахъ прекрасныхъ
Блаженство-бъ я свое читалъ,
А изъ твоихъ устъ милыхъ, страстныхъ,
Языкъ любови-бъ я внималъ;
И мы, дни наши провождая
Безъ скуки въ краткой жизни сей,
Могли-бъ, другъ другу угождая,
Щастливѣй быть самихъ Царей !

КЛЯТВА.

О дѣва, дѣва! видишь ясно
Мою ты вѣрность и любовь;
За чѣмъ-же на груди прекрасной,
На лонѣ дѣвственныхъ цвѣтовъ,
Забвенью не велишь предаться?
Во мнѣ пылаетъ огнь страстей . . .
Я не могу въ любви скрываться!
Стыдливый взглядъ твоихъ очей
Мои восторги усладитъ,
И жизнь въ блаженство превратитъ.
Когда-жъ не вѣришь увѣреньямъ,
Внимай: клянусь, и здѣсь и тамъ
Не измѣнить твоимъ красамъ
И благороднымъ упоеньямъ!
Страшишься, дѣва? Не страшись:
Оковъ и клятвъ я цѣну знаю,

И вновь ихъ смѣло повторяю.
Склонись-же, милая! склонись
Ко мнѣ на грудь... отъ чувствъ я млѣю,
Но выразить ихъ не умѣю.

ЭКСПРОМТЪ.

(Одной любезной дѣвицѣ, которая назвала меня своим братомъ).

Сестрица милая! повѣришь-ли тому,
Что ничего милѣй нѣтъ сердцу моему,
Какъ зрѣть тебя и восхищаться,
И братомъ мнѣ твоимъ во вѣки называться.

ПРИДИ КО МНѢ.

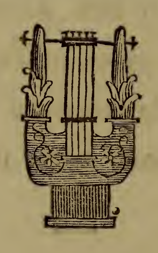
Приди ко мнѣ, когда Зефиръ
Играетъ съ Флорою лѣниво,
Когда и лугъ и степь, весь міръ
Одѣнутся въ покровъ сонливый.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облаки ныряетъ,
И съ неба чистаго она
Такъ пышно воды осребряетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, волшебница! тебя
Съ желаньемъ страстнымъ дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда хочу
Предать себя въ твои объятья,
Когда груди твоей ищу,
Чтобы прижаться безъ отъятья.

Приди! на персяхъ я твоихъ
Прильнувъ, земное все забуду!
Мой другъ! напившись благъ такихъ,
Я выше всѣхъ щасливцевъ буду.

ПѢСНЯ.

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ небрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.

Прошла пора! но въ дни былые
Я слушалъ филомелы гласъ;
Тогда-то, въ сумраки густые,
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.

Тогда съ Анютой милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ. . .
Съ другимъ она. . . и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ!

Такъ мнѣ ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ небрежный,
И говоръ свѣтлаго ручья!

МЩЕНІЕ.

Скажи, какія возраженья
Разрушатъ всѣ мои сомнѣнья?
Какую хочешь ты мнѣ лесть
Въ защиту чести произнесть?
Молчи! и словъ не трать напрасно. . .
Я знаю всё, и знаю ясно:
Когда. . . . и гдѣ. . . . и какъ. . . . кто онъ. . . .
Но ты, — ты скажешь: это сонъ
Развилъ не вѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнiе.
Нѣтъ, нѣтъ! Послушай, я скажу:
Вчера, бьетъ полночь; я лежу,
Не сплю, но спящимъ притворился;
И тонкимъ сномъ едва забылся,
Вдругъ слышу — сонный — ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала, — и потòмъ,
Исчезла въ сумракѣ ночномъ.

Я хвать тебя, — тебя ужъ нѣтъ!
Схватилъ кинжалъ, пустился въ слѣдъ,
Но поздно. . . не видалъ, какъ съ нимъ
Дышàла воздухомъ однимъ, —
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгарала. . . .
Какъ страстно друга своего
При раставаньи цѣловала!
Забывши страхъ, законъ, себя,
Кровавымъ мщеніемъ горя,
Я вдругъ соперника схватилъ,
И въ грудь его кинжалъ вонзилъ.
Теперь исчезли всѣ мечты!
Теперь, невѣрная! и ты
Страшись меня: тебѣ награда
Кинжалъ, мой гнѣвъ и муки ада!

ДУНЯШѢ.

Въ твоихъ прекрасныхъ, пылкихъ глазкахъ
Любезности недостаетъ;
Въ твоихъ привѣтствіяхъ и ласкахъ
Ни малой искренности нѣтъ:
Улыбка слишкомъ принужденна
На розовыхъ твоихъ устахъ,
И вѣтренность изображенна
Въ твоихъ поступкахъ и словахъ.
Въ лицѣ твоемъ румяномъ, бѣломъ,
Въ семъ райскомъ яблочкѣ созрѣломъ,
Не видно милыхъ свойствъ души:
Невинности и постоянства!
Безъ рѣдкаго сего убранства
Красотки какъ не хороши.
Дуняша! будь же поскромнѣе,
Тогда скажу: ты всѣхъ милѣе!

ЗАВѢЩАНІЕ

МОДНОЙ ЖЕНЫ СВОЕМУ МУЖУ.

Adieu, mon cher ami! le monde я оставляю. . .
Пришелъ послѣдній часъ, hélas! я умираю.
De grâce, не хорони меня en négligé,
А то всѣ закричатъ, что ты mauvais sujet;
И я, dans le cercueil во вѣкъ терзаться стану,
Que vous m'avez trahi, какъ сродно лишь тирану.
Послушай, à la mode меня ты убери, —
Докажешь свѣту тѣмъ que vous m'avez chéri,
Докажешь, что пылалъ ко мнѣ d'une flamme constante,
И всякой чтобъ сказалъ: ахъ! какъ она charmante.
Надѣнь ты мнѣ, mon cher, turban couleur ponceau, —
Не осрами себя, vous passerez pour sot;
Въ Парижѣ, скажутъ, былъ а вкуса не имѣетъ:
Croyez, mon cher époux, сказать всякъ, всякъ посмѣетъ
Que vous êtes un vrai Russe! какъ это больно мнѣ.
Ma haine pour ces gens-là извѣстна вся тебѣ!

Съ Французами toujours въ Парижѣ обращалась,
Et d'imiter leur goût, я тщательно старалась:
Pour une Française меня тамъ всякой почиталъ,
Et rien въ женѣ твоей ни кто Russe не видалъ.
Я всѣмъ par complaisance въ минуту отвѣчала,
Но къ сердцу ихъ plus près, croyez не допускала;
На ихъ chagrin, mon coeur, такъ весело смотрѣть,
Смѣяться en cachette, въ глаза — о нихъ жалѣть,
Притворно быть malade, пускать притворно вздохи...
Мущины, vous savez, на это очень плохи:
Un seul soupir suffit, заставить ихъ страдать!
Mon cher, когдабъ ты зналъ, какъ мило всѣхъ прельщать!
Je sens, que je me meurs, оставимъ эти вздоры,
И кончимъ поскорѣй discours за всѣ уборы.
Любезный, mon époux, одѣнь меня въ fourreau,
Въ chemise de batiste fine, въ косынку Figaro,
Въ короткій mon jupon, — чтобъ ножки были видны:
Je veux que mes appas въ гробу soient завидны.
Ma tête, ты, en crochets вели убрать, мой другъ;
На ножки башмачки надѣнь à la Malbrouck:
Je veux être habillée и въ гробѣ по Французски!..
Mais Dieu t'en garde! mon ange, одѣть меня по Руски.
Напрыскай ты меня à la jasmin водой, —
Mettez du rouge, du blanc прещедрою рукой:

Въ могилу такъ, mon cher, хочу принарядиться,
Чтобы покойницъ всѣхъ заставить тамъ взбѣситься.
Du deuil après ma mort, ужь больше не крушись, —
Si vous voulez, хотя чрезъ six semaines женись....
А я à l'autre monde-là о томъ тужить не стану,
Et quantité мужей себѣ я тамъ достану.
Но вотъ.... вотъ сей моментъ. . . . ужь виденъ dans les cieux ! . . .
Охъ! охъ. . . . нѣтъ больше силъ. . . . и меркнутъ mes beaux yeux ! . . .
Adieu ! mon bon époux, теперь я умираю. . . .
Pour la dernière fois я на тебя взираю.

ЭПИГРАММА.

Милена рѣзвая Ботанику любила,
И мужу на челѣ цвѣточковъ насадила.

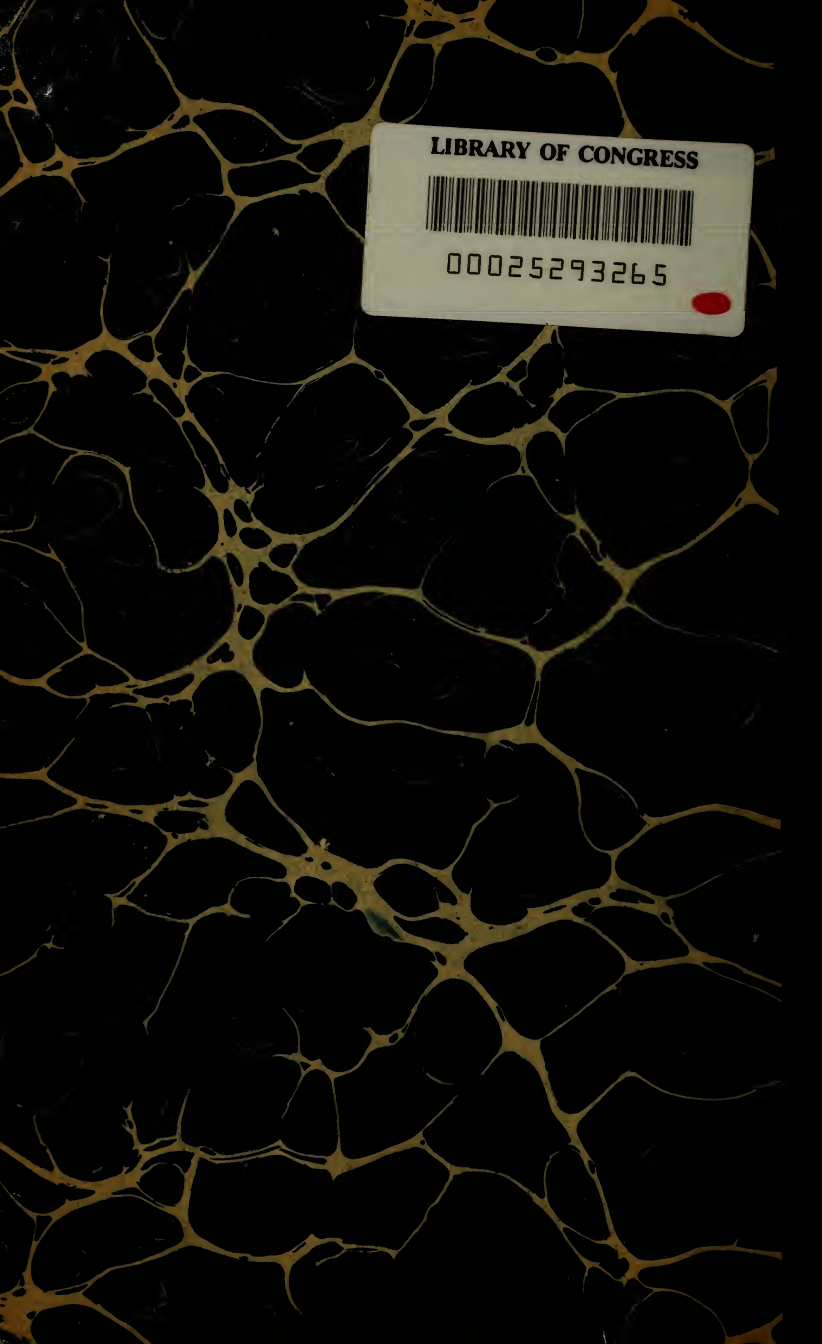
Е. И. Ц—вой.

Мнѣ трудно то воспѣть,
Какъ можешь ты блестѣть
Въ кругу́ прелестныхъ Грацій.
Желалъ бы, чтобъ Горацій
Мнѣ кисть на время далъ,
Которой онъ писалъ
Портретъ своей Венеры.
Пусть правильной бы мѣры
Я не соблюлъ въ стихахъ,
Или огня въ глазахъ
Е. . . . . . . убавилъ:
По крайности бъ избавилъ
Себя отъ безпокойствъ,—
Черты любезныхъ свойствъ
Прелестныя представить.
Е. . . ! коль поправить

Мнѣ не чѣмъ слабость силъ, —
Прости, что оскорбилъ
Тебя желаньемъ вольнымъ;
Не дай быть недовольнымъ
Мнѣ участью моею!
Усердье наградишь,
Меня коль подаришь
Улыбкою своею!....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025293265